

Вен. БОРИСОВ <В. Б. ДУВИДЗОН>

Житие старца Распутина¹

I

Только в стране закулисных влияний такая фигура, какую представлял собой «старец» Григорий Ефимович Распутин, могла пробиться в верхи знати, оказаться на гребне исторической волны и сыграть пусть преходящую, но крупную роль в судьбах страны. Познакомиться с биографией этого проходимца, в прошлом которого имеется уголовный элемент, выявить эту фигуру во всей ее колоритности на экране наших внутренних и внешних событий, — все это и любопытно, и поучительно.

Нервная, подвижная фигура, с длинной бородою, с лицом «под Христа», с серым неприятным взглядом всегда бегающих глаз, с нарочито-грубоватой манерой разговора и подчеркнутым неряшеством, — таков внешний облик Распутина. До сих пор он не привык еще обращаться с вилкой и берет пищу пальцами, которые протягивает после еды своим многочисленным поклонницам, а те облизывают их с чувством высшего удовлетворения. Грубость, доходящая до цинизма, внушает великосветскому кружку, среди которого вращается Распутин, благоговение и восхищение «старцем», которому сейчас всего 43 года...

Григорий Распутин — уроженец и житель села Покровского Тюменского уезда. Село захудалое, бедное, окруженное болотами, — глухое и дикое, забытое Богом и людьми. Пишущему эти строки пришлось пробираться туда в телеге, которая местами утопала в грязи выше колес. Жители села Покровского — настоящие сибирские «жиганы»,

¹ Печатается по: Биржевые ведомости. 1915. 15 августа. № 15027. Утр[енний] вып[уск]. С. 3; 16 августа. № 15029. Утр[енний] вып[уск]. С. 3; 17 августа. № 15031. Утр[енний] вып[уск]. С. 3; 18 августа. № 15033. Утр[енний] вып[уск]. С. 6.

народ — готовый на все, и даже среди них, по своей бедности и моральному уровню, семья Распутиных занимало последнее место.

— Воры они и пьяницы, — говорят в один голос покровцы о Распутиных.

Отец Распутина не раз бывал бит за воровство и озорство.

— Весь род их воровской, — характеризуют Распутиных односельчане. — А про Гришку-то что сказать? Последний мужик был, слюнявый этакой, гнушались им в селе у нас. А теперь вот — на, поди! Умный сделался, в высокие хоромы залетел, выжига.

В молодости Распутин вел особую дружбу с огородником, нынешним епископом Тобольским Варнавой, и сундучником Стряпчевым. Они вместе пили, озорничали, и их обоих, по словам крестьян, не раз бивали за пьянство и кражи.

— Недаром его Распутиным прозвали, — говорят крестьяне.

Лет двадцать пять тому назад нынешний «старец» изнасиловал 70-летнюю старуху Леконидушку, побирушку и юродивую, растлил нескольких детей в возрасте 12–13 лет. Его прошлое в этом отношении напоминает страницы из «Братьев Карамазовых».

Немало в прошлом Григория Распутина чисто уголовного материала, и очень многое мог бы рассказать о нем судебный следователь Амелянченко*, производивший, по странной случайности, впоследствии судебное следствие о покушении на жизнь Распутина.

В архивах Тобольского окружного суда имеются два дела «о Григории Ефимове Распутине»: одно — о краже лошадей, а другое — о лжесвидетельстве. Первое дело до сих пор почему-то не закончено следствием; за второе дело Григорий Распутин был приговорен волостным судом, по местному «законодательству» (дело происходило лет двадцать тому назад), к наказанию розгами, и приговор был приведен в свое время в исполнение.

— Пороли его шибко за разные дела. Так много за ним этих дел бывало, что не припомнишь, — рассказывают покровцы.

Отец Распутина рассказывает об его прошлом следующее:

— Попивал в молодости мой Григорий и озорничал — уж одно горе с ним было! Неугомонный да буян был. Как выпьет, так и этот ему не мил, и другой не хорош, да и работу забывал. А как начнешь его уговаривать, он ругаться, и такое сделает, что сказать стыдно. Всякое бывало... Пил, пил, а потом вдруг и ну замаливать свой грех... В Верхотурье уйдет. А как воротится и не узнать моего Григория: такой смиренный и все молится, да прощения у всех просит...

* Амелянченко. — *Сост.*

Как и большинство жителей села Покровского, Григорий Распутин был ямщиком. Однажды он возил в Верхотурье одно видное в церковной иерархии лицо. Седок разговорился со своим ямщиком, и эта беседа оказала на Распутина огромное влияние. Распутин после этого все чаще стал уходить в Верхотурье, в монастырь, пропадать там по неделям и наконец выступать в новой роли — сборщика пожертвований на постройку храма.

С кружкой в руках Григорий обходил деревни и села. С этих пор он, по словам отца, становится «умным».

— И ума не приложу, что стало с ним. Такой умный сделался.

И родные Распутина начинают богатеть, собирая на «построение храма». Распутин посылает домой все больше и больше денег, и дело доходит до того, что жена Распутина, Прасковья Федоровна, говорит:

— И на што нам денег столько? Нешто подковы из них ковать.

II

Дальнейшая биография Распутина прямо-таки сказочна.

В ней фигурируют и «старцы», и странники, «некий» епископ Православной церкви, и высокопоставленная дама, и сановники. Рискованные, уголовные похождения и истерическое кликушество переплетаются, составляя содержание биографии этого периода. Об этом, впрочем, в другой раз.

I

По мере того как материальное благосостояние Распутина становится все более устойчивым, благодаря сбору «на построение храма» среди благочестивых и доверчивых людей, растут сила и влияние Распутина сначала на небольшой кружок односельчан, среди которых видное место занимает сундучник Стряпчев, а затем сфера деятельности Распутина переносится в Тюмень. Распутина окружают друзья, которые пользуются благами его безгрешных доходов и распространяют его «учение».

Распутин всегда говорил:

— Я человека насквозь вижу.

И действительно, он «насквозь видел» тяготение крестьян и мелких мещан к сектантству и богоискательству.

— Они ищут дорогу к Богу, — говорил Распутин своим друзьям. — А я тропинку к Нему вижу и им укажу.

Пропаганда «распутинства» начинается с грубого фетишизма. Во дворе своего дома, в с. Покровском, Распутин и его первые поклонники вырыли глубокую яму и поставили в ней обыкновенный железный треножник, заменяющий жертвенник.

— И тогда начались моления, — рассказывают покровцы. — Зажгут большой огонь в яме, поставят треножку и молятся на огонь. Помолятся, помолятся и давай прыгать с бабами через огонь. А сторит костер — срамота пойдет! В повалку, значит, блудят. Спрашивали мы Гришку: «Что это ты, пьяница, делаешь?». А он в ответ: «Не согрешишь, говорит, не покаешься, грех, говорит, для покаяния, грех Богу угоден, как и подвиг, без греха нету подвига и покаяния». Так-то Гришка про моления свои толковал. А срам ведь!

Не будь впоследствии «высоких» покровителей у Распутина, его «учение» в лучшем случае создало бы изуверскую секту, вроде хлыстовщины, или, что вероятнее всего, оно заглохло бы. Но Распутин не ограничился сферой влияния на крестьян, а стал искать путей к «верхам».

— Ты погоди, — говорил он своему другу Стряпчеву. — Ужо я в высокие палаты залечу, увидишь!..

Дом Стряпчева в Тюмени становится резиденцией Распутина. Там собираются его поклонники и друзья. Последние эксплуатируют своего «пастыря», пользуясь малой толикой с его доходов. Характер Распутина круто меняется. Он бросает пить, задумывается часто, постится. В его внешности тоже происходит перемена. Он отпускает длинные волосы и старается придать себе облик одержимого.

Босиком, в стужу, он ходит по монастырям, но отовсюду его почему-то гонят.

— Пробудет два-три дня в монастыре, ан его и раскусили, — рассказывают его бывшие поклонники. — Увидят, что напускает Гришка на себя святость и что ему «начихать» на все, лишь бы прославиться, — ну, и гонят его. Потому он, Гришко-то, абие, абие, а сам больно охоч до бабия. Натворит безобразия и говорит: «Для ради покаяния грех чиню». Такие дела!

В этот период своей жизни Распутин знакомится с епископом, который оказывает ему свое покровительство. Благодаря этому Распутин получает доступ в женские монастыри, и вскоре разыгрывается громкий скандал, не проникший своевременно в печать благодаря цензурным условиям того времени.

Распутин во время своих «хождений» по женским монастырям соблазнил и изнасиловал несколько послушниц и монахинь. Дело доходит

до Святейшего синода. Назначается ревизия. Возникает в это время и другое дело — о секте Распутина в с. Покровском и о молениях над ямой.

Но оба эти дела вскоре предаются забвению. Ревизоры же впоследствии, по хлопотам Распутина, получают епископские кафедры...

К моменту «ревизии» Распутин уже оперился и вошел в силу. Он говорит своим близким: «Теперь я все могу».

В жизни Распутина начинается новая полоса. Он накладывает на себя обет, о чем ставит в известность своих друзей и поклонников, стараясь как можно громче афишировать свои намерения.

— Стяжательство и грех у нас в монастырях. Покаяться есть в чем святым отцам. Пойду я по этим местам.

Распутин обходит босиком святые места. Но, как и в первый раз, его снова гонят отовсюду. К этому времени относится его встреча с о[отцом] Иоанном Кронштадтским, который сразу раскусил Распутина и сказал ему:

— Распутин ты есть, распутником и будешь.

II

Вскоре Распутин попадает в Москву. Там он проводит некоторое время в одном монастыре, и отсюда карьера Распутина начинает быстро «восходить». Он производит впечатление на некоторых сановных лиц, посещающих монастырь, своей проповедью греха ради покаяния и примитивным религиозным мирозерцанием.

Пред Распутиным открываются двери московских салонов. О Распутине говорят, знакомства с ним ищут высокопоставленные лица, главным образом дамы. Но здесь опять происходит громкий скандал. Распутин проповедовал в это время совместное с женщиной омовение в бане «для умерщвления и испытания плоти». Некоторые светские дамы подпали под влияние Распутина и ходили с ним в баню. Это «банное бдение» имело некоторые «неприятные» последствия для одной из великосветских поклонниц Распутина, о которой речь будет впереди. Скандал не получил широкой огласки только потому, что сильные покровители Распутина замяли его.

Однако положение Распутина ничуть не пошатнулось. Он становится все более и более уверенным в себе и принимает тот небрежно-фамильярный тон по отношению к своим покровителям, которым он так импонировал. Нарочито неряшливо ест «руками» за общим столом в аристократических домах и дает облизывать свои засаленные пальцы высокопоставленным поклонницам и поклонникам.

— Смирись, смирись, графинюшка, — говорит он. — Смирением одолеешь беса... Ну-ка, пальцы-то у меня липкие от варенья твоего, слиж, будь другом...

И графиня, в присутствии многочисленной челяди, облизывала пальцы «старца».

Одна из бывших поклонниц Распутина, которая теперь без чувства отвращения и содрогания не может вспомнить о нем, говорила мне:

— Не в учении его, а в нем самом есть что-то такое, чем он подчиняет себе слабонервных людей. Взгляд его, что ли, такой: тяжелый, пронзительный... Внушает и покоряет.

Однако, несмотря на свой гипнотизирующий, покоряющий взгляд, Распутин никогда не имел большого успеха среди простого народа, на который он пытался влиять. В Покровском и в Тюмени его окружали пройдохи и «выжиги», которые наживались и грели руки подле него.

— Ловкач! — восхищалась его делами одна часть покровцев.

— Чалдон! — выражала свое отношение к нему другая часть.

Ко времени «жития» Распутина в Москве относится его первое знакомство с графиней И. и ее салоном.

Еще в те времена, когда Распутин был «Гришкой-ямщиком», одно высокопоставленное лицо, которое он возил в Тобольск, обещало ему свое покровительство и уговаривало его избрать духовную карьеру. Распутин разыскал это лицо, занимавшее в это время кафедру епископа и игравшее видную роль в правых московских организациях, и оно ввело Григория Распутина в кружок всесильной графини И.

В первый раз Распутин произвел на графиню И. неблагоприятное впечатление.

— Одержимый он какой-то и груб, — жаловалась графиня.

— А ты, графинюшка, присмотришь, — советовал ей покровитель Распутина.

Епископ настоял на том, чтобы обратили внимание тобольского епархиального начальства на выдающиеся религиозные «задатки» Григория Распутина. В Тобольск летят телеграммы. Распутин, по совету «князя церкви», едет туда. И происходит следующее: ряд лиц, по рекомендации Распутина, рукополагаются во священники. Новые пастыри произносят в церквах «слова», в которых косвенно и прямо рекламируют Распутина. Крестьяне недовольны и ропщут. Посылаются жалобы... еп[ископу] Варнаве, бывшему другу Григория Распутина. Но из этих жалоб, разумеется, ничего не выходит. Спустя некоторое время Распутин уже чувствует твердую почву под ногами и едет в Петроград. Кружок графини И. содействует ему, и пред Распутиным

раскрываются все двери. Приехав обратно в Тобольск, Распутин рассказывает, что он был у председателя Совета министров П. А. Столыпина и исцелил его парализованную во время взрыва на Аптекарском острове руку.

— Я предсказал ему, по внушению Божию, что падет он от руки супостата, — говорит впоследствии Распутин.

Так или иначе, Распутин, очевидно, вошел в доверие к П. А. Столыпину. Между ними завязывается переписка.

Вообще, к 1906 году положение Распутина становится настолько прочным, что пред ним заискивают сильные мира сего. Он получает в своей штаб-квартире в Тюмени огромную почту, которую разбирают и сортируют несколько секретарей.

— Поди, министр не получает такую кучу писем, — с гордостью и самодовольством говорит святой «старец».

В Тюмени «старец» сближается с инспектором народных училищ Григорием Яковлевичем Малярецким, привозит ему из столицы 2000 рублей на школу и пытается распространить сферу своего влияния и среди детей, учащихся в школах, подведомственных Малярецкому, особенно среди девочек...

Однако, несмотря на содействие епископа Варнавы, который ставит всем на вид, что «старец» Распутин «отмечен перстом Божиим», пропаганда «распутинства» среди малолетних учениц тюменских школ успеха не имела...

I

Ввиду того, что ревизия «дел» Распутина в с. Покровском не привела ни к чему, возмущенные покровцы решили сами послать письменную жалобу в Синод.

Вот в устной передаче крестьян одна из ярких сцен, запечатленных в многократных жалобах покровцев о деяниях «старца».

Изображается жертвенное моление Распутина у ямы.

Ночью, лишь только зажгутся звезды, Распутин с домочадцами и поклонниками натащат в яму дров и зажигают костер.

На треножник, стоящий на огне, ставится чаша с ладаном и кореньями.

Взявшись за руки, попеременно мужчины и женщины кружатся вокруг ямы и поют, часто повторяя одну фразу:

— Грех наш ради покаяния, грех покаяния ради, Господи!

Бег вокруг костра все ускоряется, вместо членораздельной речи слышатся уже вздохи, стоны и скрежет зубовой.

— О-ох! И-их!

Костер гаснет. Сразу размыкается круг, и слышен неистовый крик «самого».

— Аз говорю вам: испытайте плоть вашу!

Валяются в кучу люди, происходит нечто неподдающееся описанию. Мужчины отрезают у своих случайных дам край платья и по нему узнают впоследствии, с кем произошел у них грех.

— И бывало, — рассказывает покровец, — отец узнавал дочь, мать — сына. Грех какой! На вилы бы его, собаку!

Жалобы покровцев не привели ни к чему.

Впрочем, результат был следующий: высшие духовные власти предписали тобольскому епархиальному духовенству обучить Распутина грамоте и оказать на него религиозное влияние...

В штаб-квартире Распутина в Тюмени, у сундучника Стряпчева, творилось нечто невероятное, напоминающее страницы из «Помпадуров и помпадурш» Щедрина.

Приема у Распутина добивались сотни людей, знатных, державших в своих руках всю полноту власти.

Но попасть к Распутину было не так просто.

Секретари его брали взятки по 200–300 рублей за устройство аудиенции у «самого».

«Некий» губернатор, которому грозила отставка, приехал просить заступничества у Распутина.

Он знал, как и все в губернии, что достаточно визитной карточки Распутина с двумя-тремя вкривь и вкось нацарапанными на ней словами, и перед просителем услужливо склонится воля высшего сановника.

Губернатор передал через какую-то юркую личность свою визитную карточку Распутину.

Личность повертела в руках карточку Его превосходительства и сухо ответила:

— Не принимает.

— Меня примет, — уверенно сказал губернатор.

— Не велено делать исключений. Впрочем...

Юркий секретарь фамильярно нагнулся к уху Его превосходительства и шепнул цифру.

— Г-м, — смущенно кашлянул губернатор и, вытащив бумажник, отсчитал четыре сотенных бумажки.

Дело Его превосходительства устроилось. Распутин послал в министерство телеграмму: «Губернатора такого-то умоляю оставить на месте. Григорий».

Секретари Распутина делали большие дела, потому что к «старцу» за заступничеством обращались все.

Существовала даже подробно расписанная такса: сколько с кого брать. Слухи о делах секретарей дошли до Распутина, и он обратился к епископу Варнаве за советом.

— Возьми мою сестру в управительницы, — посоветовал ему епископ. Совет еп[ископа] Варнавы был принят. Сестра Варнавы с этих пор становится у дел Распутина. Она следит за разборкой его огромной корреспонденции, опрашивает посетителей, стекающихся со всех концов России к Распутину, решает, кого можно принять и кого нельзя, и единолично получает мзду, из которой малую толику уделяет и секретарям.

Но вдруг у сестры еп[ископа] Варнавы появилась конкурентка. В небольшом городке Тобольской губернии жил нотариус N.

Наслушавшись о всесии Распутина, он решил воспользоваться его влиянием, чтобы перевестись в большой город. Мечтал даже о Петрограде. Шансы у нотариуса N. были большие: у него была красивая жена... Он командирует ее к Распутину.

Сестра Варнавы сразу раскусила, в чем дело, и не допустила жену нотариуса к Распутину.

На письменную просьбу «клиентши» Распутин не обратил никакого внимания.

Но жена нотариуса, женщина настойчивая и хитрая, умудрилась поймать Распутина в такой момент, когда он направлялся... по естественной надобности.

Она перехватила его на полдороге и сумела произвести на него должное впечатление.

С этого момента она занимает в его доме видное положение, конкурируя с сестрой Варнавы в деле поборов с просителей и соревнуя с нею в близости к «старцу».

Распутин их обеих называет «сестрами» и ласкает при посетителях.

— Каких сестер завел себе твой Гришка! Крали! — сказали однажды покровцы жене Распутина, Прасковье Федоровне.

Та подробно расспросила обо всем и поехала тотчас же в Тюмень.

В доме Распутина произошел громкий скандал, вызвавший вмешательство полиции и составление протокола, который, однако, потом был уничтожен.

Но Распутину нельзя было уже приезжать в Покровское. На него указывали пальцами.

Не желая расстаться с женой нотариуса, Распутин нарочно тянул его дело. Нотариус приезжает поторопить Распутина и двинуть свое дело. На глазах у нотариуса жена его продолжает жить со «старцем», который утешает его:

— Ты смирись, смирись, убей в себе беса-то.

II

Во время поездок Распутина в Петроград и Москву его сопровождала «духовная сестра».

В Петрограде, в кружке графини И., обратили внимание на г[оспо]жу N. и на ее отношения с Распутиным. После целого ряда скандалов г[оспо]жа N. уехала в Тюмень, а Распутин выслушал ряд угроз от нотариуса:

— Вы понимаете, — говорил нотариус, — что ваши отношения к моей жене обязывают вас по отношению ко мне. По наущению ваших высокопоставленных поклонниц вы удалили ее. Но знайте, что у меня есть факты, изобличающие вашу деятельность, и что я молчать не буду...

Под страхом скандала и разоблачений Распутин снова приближает к себе г[оспо]жу N., но в конце концов уговаривает ее уехать домой.

Провожал ее сам Распутин и, приехав в Тобольск, был приглашен вместе с епископом Варнавой к губернатору Сенкевичу* на обед.

В Тобольске Распутина встречали с помпой. Все власти до вице-губернатора включительно вышли на встречу. Полицеймейстер лихо летел впереди на тройке, стоя на подножке и крича толпившейся на улице публике:

— Раздайся!

Городовые козыряли «старцу» и расчищали ему дорогу.

У губернатора Распутин отказался есть скромное, сказав:

— Нельзя мне. Грехи замаливаю. Свои и ваши.

После обеда завели граммофон. Распутин смотрел во все глаза на диковинную, никогда не виданную им штуку и тихо спросил:

— Что это такое?

Когда ему растолковали, в чем дело, он плюнул:

— Тьфу! Тьфу! Бесовская выдумка! Голос человеческий крадут и в ящик замыкают. Грех! Унесите.

Граммoфон велели унести.

Везде, куда ни приезжал Распутин, его встречали с большим почетом и помпой. В одном из сибирских городов для Распутина открыли

* Станкевичу. — *Сост.*

особые парадные комнаты, в другом городе соорудили триумфальную арку из цветов, в третьем — навстречу ему вместе с гражданскими властями вышло духовенство в облачении.

— Моя власть от Бога, — самодовольно говорил Распутин после этих помпезных встреч.

На Распутина опасно было жаловаться. Один из жителей с. Покровского, не зная об отношениях губернатора Сенкевича к Распутину, послал ему жалобу на деятельность «старца» в с. Покровском. Жалобщик описывал возмущавшие всех покровцев «моления» и прочие дела Распутина.

Результатом этой жалобы было то, что жалобщику было сделано строгое внушение с угрозой выжить его из с. Покровского в случае повторения жалобы.

Надо было видеть изумление жалобщика, местного интеллигента и человека с весом и положением в селе.

— Что же это такое? — говорил он мне. — Неужели какой-то вор и насильник, которому место в тюрьме, может заставить меня молчать? Кому жаловаться, если так? Нет, уж я доберусь до настоящего.

— Нишкни, — сказала ему жена. — Разве не знаешь, в какую силу Гришка вошел? В городе полиция ему козыряет, а губернатор так и лебезит пред ним. Трудно тягаться с Гришкой.

Возмущенный обыватель согласился с тем, что «Гришка — сила», и притих.

И не одни рядовые обыватели пасовали пред Распутиным. Слава его в связи со слухами о его всеилии росла, тем более что духовные лица сами рекламировали Распутина в своих проповедях.

Когда еп[ископ] Варнава, только что назначенный на тобольскую кафедру, приехал в Тюмень, в соборе собралось много народа послушать нового владыку. Съехались даже из соседних сел и городов.

К соблазну паствы еп[ископ] Варнава посвятил свою проповедь... жене Распутина — Прасковье Федоровне.

— Смотрите на нее, — говорил владыка. — Вот пример благочестия и душевной чистоты.

«Пример благочестия», Прасковья Федоровна, стояла сияющая в толпе.

А покровцы, бывшие в числе слушателей, указывали на нее, качали головами и говорили:

— Вона как! Поди ж ты! А давно лошадей воровали? А давно розгами секли?

И вспоминали многие случаи из прошлого Распутиных, далеко не служившие примерами благочестия для паствы.

— Вот и пойми, что лучше: старух насиловать али малых ребят.

Пример епископа, посвятившего свою проповедь Распутину и вызвавшего смущение у паствы, был не единичным. Сельское и городское духовенство Тобольской епархии трепетало пред Распутиным и, боясь одного имени его, славословило «старца». Страх перед Распутиным имел свои основания.

Дело в том, что еп[ископ] Варнава и Распутин относились с подозрительностью к грамотным священникам и подняли на них гонение.

Полетели в Петроград письма и телеграммы, и через небольшой промежуток времени в Тобольской епархии остались только полу-грамотные, а то и совсем безграмотные иереи. «Ученые» оказались не к месту.

— Нам не надо умных, — говорили секретари Распутина опальным священникам, пытавшимся через Распутина добиться, чтобы их оставили на насиженных местах. — Ежели ученый кто, так он нынче книгу читает, а завтра, гляди, в бытии Божиим усомнился. Да и горды они больно, ученые-то.

Стремясь подчинить себе все местное духовенство, еп[ископ] Варнава с Распутиным вкупе производят чуть ли не тайные дознания о том, как тот или иной священник отзывается о них, как живет, что читает. «Читающих» удаляли, а не читающие и славящие Распутина входили в фавор.

Епископ Варнава с Распутиным объявили в Тобольской епархии крестовый поход против культуры во всех ее проявлениях. Они оба распоряжались полновластно в епархии, где никто не смел жаловаться и протестовать. Варнава и Распутин являлись на дом к священникам и производили своеобразную «ревизию», рылись в книгах, в письмах, в гардеробах жен и дочерей священников.

Один местный дьякон нарисовал мне следующую яркую сценку.

— Как-то вечером отправились мы с матушкой к о. Василию в гости. Только мы вышли за ворота — вижу: идут еп[ископ] Варнава и Распутин. Не любил я, признаться, встречаться с ними, особливо с Григорием, да и все мы боялись их-то. Осрамят, накричат, ногами затопают неведомо за что. Сан оскорбляют, и того... стыдно перед паствой-то. И вот хотел я назад за ворота уйти. Да заметил меня Варнавин соглядатай, Гришка-то, кричит:

— Стой, отец пречестной?

Делать нечего — остановился. А самого трясет со страху, и в голове одна дума: «Сживут! Сживут!» Шепчу про себя: «Помяни, Господи, Царя Давида и кротость его» и жду разноса, сам не знаю за что.

А они уже нашли. Набросился Варнава на жену и на дочь, кричит:

— Вы кто? Духовного звания? Или блудницы? Тьфу, срамота, блуд! Что это на голове у вас?

И собственноручно сорвал с головы матушки гребешки, наземь бросил, ногами растоптал и прическу растрепал.

— Корсеты, гребешки, моды парижские! — кричит. — Вавилон! Разврат! Выведу, все выведу!

А Григорий:

— Белье-то у них, поди, батистовое. Франтят!

Народ сбежался, соблазн, срам! Вернулись мы домой сами не свои. Гнев сердце мое палит, однако думаю: «Нишкни, отец! Куда с ними тягаться! На улице без хлеба останешься».

Случай, описанный о. диаконом, не единственный. Варнава с Распутиным вели упорную борьбу против... гребешков, причесок и корсетов как с внешним отражением культуры.

Ко времени разгара этой борьбы относится приезд Илиодора к Распутину в с. Покровское.

Илиодор познакомился с Распутиным в кружке графини И[гнатьевой]. Личностью Распутина Илиодор заинтересовался задолго до знакомства с ним под влиянием епископа Феофана, который вывел Распутина в люди. Епископ Феофан говорил о Распутине как о выдающейся, одаренной личности и советовал Илиодору сблизиться со «старцем». Однако при первом свидании у графини И. Распутин произвел на Илиодора отрицательное впечатление.

— Ничего не понимаю, — говорил он. — Ежели он святой жизни человек, то как понимать его отношения к дамам? Не осуждаю, ибо не ведаю, но боюсь.

Не доверяя своему первому впечатлению, Илиодор решает ближе присмотреться к Распутину и едет к нему в с. Покровское. По мере приближения к Тобольской губернии Илиодор узнает все новое и новое, говорящее далеко не в пользу «старца». О распутинских скандалах толкуют по всей губернии. Некоторые, приняв Илиодора за ревизора, посланного расследовать безобразия Распутина, подробно рассказывают ему о похождениях старца.

Вор и пройдоха, — кратко характеризуют Распутина покровцы в разговоре с Илиодором.

Жители с. Покровского отнеслись с большим уважением к Илиодору.

— Сразу видать — не ровня ему Гришка-то, — говорили впоследствии покровцы об Илиодоре. — Гришка — хлыст и безобразник, а этот лжи не терпит, и душа у него хорошая.

Во время пребывания Илиодора в Покровском крестьяне жаловались ему на Распутина. Илиодор был скандализован рассказами покровцев о прошлом Распутина и его насилиях, о борьбе его и Варнавы с грамотностью, о сектантских радениях над ямой, а обстановка, окружающая Распутина, женщины, играющие такую видную роль в «подвижничестве» старца, делишки его секретарей, слухи о посещении Распутина с поклонницами покровской бани — все это произвело на Илиодора ошеломляющее впечатление.

— Я не мог опомниться, — говорил мне Илиодор в личной беседе. — С одной стороны, о нем хорошо говорят еп[ископ] Феофан, графиня И., сановники, а с другой — разврат, хлыстовщина и даже уголовные преступления.

— Житья от него не стало, — жаловались крестьяне Илиодору. — В церковь пойдешь — срам: прежних попов прогнали, а новые сами-то лыка не вяжут и все о Гришке, все о Гришке. Он для них и «Отче наш», и «Со святыми упокой». Девок портит, баб совращает, голоса не дает поднять. Что за напасть такая на нас! Ужли там, в Питере, умных и честных людей не стало, что «жиган» Гришка над нами верховодить стал? Помогите, батюшка, вывести его, вора-то, на чистую воду.

При встрече с еп[ископом] Варнавой Илиодор в негодовании дал ему понять, что он знает о похождениях Распутина в Покровском и Тюмени. После этого еп[ископ] Варнава говорит Распутину:

— Развяжись с ним. Умный он очень.

И старается всячески настроить Распутина против Илиодора.

— Я этих ученых не боюсь, — хвастается Распутин пред одним из своих бывших поклонников.

Вместе с Илиодором Распутин едет в Тобольск. Илиодор поражен приемом, устроенным Распутину губернской властью. По пути их встречают чуть ли не с хлебом и солью, вице-губернатор лично выезжает навстречу Распутину и на губернаторском экипаже везет его на обед к губернатору.

В Тобольске настоятельница одного из женских монастырей жалуется Илиодору на безобразия Распутина.

— С тех пор как Григорий Ефимович стал ездить к нам, несколько послушниц пришлось удалить за пьянство и развратное поведение. Как приедет Распутин в монастырь, выберет послушниц и монахинь помоложе и уединяется якобы для душевспасительной беседы. Пробовали жаловаться епископу — да что! Его руку держит еп[ископ] Варнава. А высшей власти жаловаться боимся.

В Тобольске все в один голос говорили о развратном поведении инокинь монастырей, посещаемых Распутиным. Купцы, охотно посещавшие дотоле монастыри и щедро одарявшие их, теперь только отмахивались:

— Гришкин дух нынче в монастырях. Разврат! Стыдно дочерей туда водить. Обратил Распутин монастыри в непотребные дома.

Рассказывали об оргиях в кельях, о катаниях на тройках с послушницами, обо многом, которое я не решаюсь изложить вследствие непроверенности этих «случаев».

— Диву даешься, как это открыто, на виду у всех творятся такие безобразия, и никто не может ничего сделать, — говорили жители Тобольска.

На приеме у губернатора Распутин был чувствительно задет тем, что губернатор уделял больше внимания Илиодору, чем ему.

— Что же ты, батюшка, ученого улащаешь? — сказал Распутин. — Учен-то он учен, а дух-то Божий в ком?

Губернатор поспешил успокоить Распутина.

— Надо его, Илиодора-то, сбить, — сказал впоследствии Распутин. — А то вперед забежит святоша этот ученый.

В Распутине, очевидно, засела мысль об опасности конкуренции со стороны Илиодора, и он намеками высказывал ее.

— Будет великая борьба, — говорил он. — Придется мне одолеть некоего инока гордого.

На обратном пути из Тобольска между Распутиным и Илиодором происходит открытая размолвка.

Дело в том, что Распутин позволил себе с грубой фамильярностью высказаться об одной особе.

— Нельзя так говорить, — заметил Распутину Илиодор.

— Мне можно, — ответил Распутин.

Илиодор вернулся в Петроград подавленный и возмущенный всем тем, что он видел и слышал о Распутине в Покровском, в Тюмени и Тобольске.

В Петрограде произошел случай, еще сильнее возмущивший Илиодора. В комнату Илиодора в присутствии Распутина ворвалась какая-то дама и бросилась к ногам Илиодора, требуя от него заступничества.

— Выгоните ее, выгоните, она бесноватая! — закричал сразу смутившийся и побледневший, как мел, Распутин.

— Выгнать? Нет, не выгонишь, — кричала женщина, обнимая колени Илиодора. — Выслушайте меня, батюшка!

Несмотря на протесты Распутина, Илиодор усадил даму и попросил ее рассказать, в чем дело.

Дама оказалась бывшей поклонницей Распутина, которую он увлек проповедью «греха плоти ради покаяния духа» и с которой он вошел в связь. Она рассказала Илиодору, что Распутин увлек и ее дочь, и теперь живет одновременно с нею и с дочерью, лаская дочь на ее глазах.

Потрясенный всем этим, Илиодор отправился к еп[ископу] Гермогену и рассказал ему обо всем: о том, что творится в Тобольской губернии, о жалобе настоятельницы монастыря и дамы — бывшей поклонницы Распутина.

Еп[ископ] Гермоген отнесся с крайним вниманием к рассказу Илиодора и, взяв с него клятву больше не встречаться с Распутиным, высказал намерения изблечить «старца».

Через несколько дней еп[ископ] Гермоген и Илиодор сделали попытку изблечить Распутина в кружке графини И.

Их выслушали и замяли разговор.

Таким образом, первая попытка вывести Распутина на чистую воду не имела успеха. Авторитет и обаяние «старца» были настолько сильны, что даже высший иерарх Православной церкви оказался бессильным.

Между тем Распутин окончательно переселяется в Петроград. Он снимает убогую и полутемную комнату на Николаевской улице, где-то на заднем дворе, и ведет относительно скромный образ жизни. Кроме графини И. и ее тесного кружка, он еще никого не знает, однако уже пытается посылать высшим властям свои безграмотные записки. Но на него пока не обращают никакого внимания.

Здесь, в этой комнате, на Николаевской, Распутин начинает свою карьеру в Петрограде с мелких «гешефтов».

Его сразу окружают темные личности, прожектеры и пройдохи, которые стараются использовать его связи и влияние.

Духовные «сестры» Распутина и его секретари вербуют ему поклонников, распространяя слухи о его силе в высших сферах и влиянии.

Как в Тюмени и Покровском, секретари дерут взятки за устройство свидания просителя с «самим». К «старцу» приезжают провинциальные чиновники, ищущие через него протекцию или заступничество, и «старец» принимает на себя ходатайства перед сильными мира сего за мзду, нередко довольно хорошую...

